

РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье речь идет о формировании идеологии реального гуманизма, порождаемой новой социальной реальностью, в которую вступает человечество в XXI веке. Подчеркивается, что в условиях этой новой реальности формируется принципиально новый Субъект мировой истории. Появляется необходимость выработки новой мировоззренческой парадигмы, основной императив которой можно сформулировать так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания». «Очеловечивание» – что в переводе на латинизированную терминологию современной мировой социально-политической теории означает не что иное, как «Гуманизация».

Ключевые слова: глобализация, новая социальная реальность, отчуждение, очеловечивание, гуманизм, либерализм, социализм, конвергенция.

Человечество вступает в Новую Реальность.

Сегодня, в XXI веке, человечество – у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым.

Сегодня человечество у черты перехода:

- от истории локального развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках глобализации; у черты превращения мировой истории из суммы историй отдельных стран к подлинно всемирной истории, когда во многом по-новому ставится проблема о соотношении национальных государственных суверенитетов и глобальных общечеловеческих императивов;

- от ситуации миро-человеческого бессмертия к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало смертным (т. е. способным уничтожить самое себя);
- от исчерпавшего свой потенциал развития классического капитализма (на Западе) к некоему новому обществу, сущность которого и название которого пока довольно туманно именуют «информационным» или «постиндустриальным» обществом;
- от общественной системы, именовавшейся в СССР «реальным социализмом» (с подлинным социализмом не имевшей, впрочем, ничего общего и бывшей на деле государственно-бюрократической формацией, трансформировавшейся затем в некую разновидность олигархического капитализма»), к новому типу общественных отношений, в возможной (и желательной) перспективе – к Новому, гуманному, демократическому обществу, Обществу «реального гуманизма»;
- от ограниченного «узкосоциального» мышления к «ноосферному» мышлению;
- от антагонизма либеральной и социалистической идеологий к их сближению и конвергенции;
- от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса «очеловечивания» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») каждым индивидом всего богатства человеческой сущности.

Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно прийти Новое Мировоззрение, основной императив которого мы сформулировали бы так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания». «Очеловечивание» в переводе на латинизированную терминологию современной мировой социально-политической теории означает не что иное, как «Гуманизация». И, стало быть, Мировоззрение, провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание» (читай – «Гуманизацию»), должно быть по праву названо Гуманизмом.

Добавим только – Новым Гуманизмом (дабы отличить его от гуманизма «старого», традиционного). А основанная на этом мировоззрении стратегия преобразовательных действий, формулирующая цели деятельности современного Человека (что составляет

содержание такого явления, как Идеология), следовало бы назвать Идеологией Реального Гуманизма.

В понятии «реального (нового) гуманизма» фиксируется главная цель и главная ценность нового мирового и российского социума – ЧЕЛОВЕК. Речь идет, повторяю, в первую очередь не о росте материального богатства общества и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ (ГУМАНИЗАЦИИ) деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека – от орудий его деятельности, от процесса и целей труда; речь идет о превращении каждого человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего субъекта истории, о превращении «хомо экономикус» (т. е. «экономического человека») в «человека творческого», в человека, переставшего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных, псевдосоциалистических, режимах); речь идет о знаменитом – со времен Маркса – «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении каждого индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в универсально и всесторонне развитого Человека.

Этим мировоззренческо-идеологическим принципам суждено поглотить и растворить в себе все великие идеологические концепции прошлого, и среди них, что особенно важно подчеркнуть, – идеологии, под знаком которых, в противоборстве которых прошли несколько последних столетий, – идеологии Либерализма и Социализма. Процесс этот, по нашему убеждению, пойдет через сближение, сопряжение, взаимопроникновение, конвергенцию этих великих (в прошлом) идеологий и завершится их преодолением, их «снятием» (употребим этот, богатый содержанием, гегелевско-марксовский термин) в лоне Идеологии Нового (Реального) Гуманизма.

Да, «новая реальность», новизна мировой ситуации требует корректировки, а то и прямого пересмотра основных положений прежних социально-экономических, социально-политических теорий, идеологических и нравственных императивов. Надо только иметь в виду, что задача подобного пересмотра, задача выработки новых теоретических концепций стократно усложняется еще и тем, что мы еще не в Новой Реальности, а только на переходе к ней, что вступаем мы в Новую Реальность, отягощенные старыми противоречиями и конфликтами, повязанные прежними императивами, установками, формулами, прежними идеологическими парадигмами, традиционными формами мышления и действия. Поэтому

столь драматичен этот процесс перехода к Новой Реальности и столь сложен мировой «контекст» всех сегодняшних проблем для его осмысления.

Конвергенция прежних идеологий
«...от антагонизма
либеральной и социалистической идеологий
к их сближению и конвергенции»

История либерализма и социализма, их исторического противостояния – сюжет для «очень большого рассказа», для не одной монографии. Мне хотелось бы здесь обозначить главную нить этой истории, а также взаимоотношения либеральной и социалистической идеологий сегодня и в ближайшей перспективе.

Вообще сущность этих идеологий в наискратчайшем виде зафиксирована их выдающимися представителями – либералом Людвигом фон Мизесом и социалистом Карлом Марксом.

Людвиг фон Мизес: «Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: собственность, т. е. частное владение средствами производства... Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования». («Либерализм в классической традиции»).

Карл Маркс: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». («Манифест»).

Как видим, – идеологии-антиподы. Противостояние – фронтальное. Когда и как они возникли, какие этапы прошло это их противостояние, что ждать от этого противостояния в будущем?

Они и возникли как антиподы, по-разному оценивающие реальность – процесс становления капитализма. Правда, либеральные идеологии теоретически были более разработаны. Социалистические отличались импрессивностью, мечтательностью. Либеральные теории описывали то, что есть – реальность, ее суть, противоречия, ее реальные тенденции. Либерализм был прагматичен и реалистичен. Социалистические теории, сталкиваясь с противоречиями реальности, строили планы, как от них возможно скорее избавиться, фантазировали насчет того, каким непротиворечивым, гармоничным и гуманным мог бы быть социальный мир. Социалистические авторы рисовали некие идеалы, в которых воплощались бы их мечтания о социальной гармонии, не задумываясь особенно над тем, есть ли социальные и культурные силы, способные и готовые эти их мечты осуществить. Им казалось: достаточно на-

рисовать красивую, увлекательную картинку будущего – и люди немедленно кинутся воплощать эту красоту в жизнь.

Классические либеральные теории (Джона Локка и Адама Смита в первую очередь) описывали логику перехода от феодализма к капитализму. И базисным пунктом их теорий была защита свободно функционирующей частной собственности, освобожденной от феодальных пут. И главное – устранить вмешательство государства и чиновничества в движение частной собственности, реализующей себя в рыночной экономике. «Невидимая рука рынка» (А. Смит) всё сама отрегулирует; во всяком случае – лучше, чем государственная бюрократия. В общем – *laissez-fair, laissez-passer!* Практика, основанная на идеях либерализма, была громадным шагом в развитии производительных сил общества, политического и культурного социального прогресса. Либеральные теоретики раскрыли громадную прогрессивную роль буржуазных отношений в истории человечества и тем внесли существенный вклад в социальную науку. Можно сказать, что ими зафиксирован сделанный человечеством шаг вперед в направлении смягчения «отчуждения» (хотя классики раннего либерализма этот термин не употребляли).

Но буржуазный строй не был формой «снятия отчуждения», а лишь его (отчуждения) новой формой. Да – расширяющей возможности прогресса производительных сил и, на базе этого, открывающей новые возможности и перспективы гуманизации социума. И все же отчуждение, особенно в форме эксплуатации лишенного собственности трудящегося человека, сохранялось. И это состояние сохраняющегося «отчуждения» болезненно переживалось низшими классами. Работник оставался «частичным» человеком, эксплуатируемым, униженным существом. Что и фиксировали гуманно настроенные люди того времени (социалисты в первую очередь). Им хотелось, чтобы прогресс не сопровождался такими тяжелыми чертами. Тогда-то они и принялись сочинять общество, где частная собственность заменялась бы общественной. Общество, где не «невидимая рука рынка» регулировала бы экономические отношения, а государство, и где рыночная экономика сменялась бы плановой. В общем – общество, как сказали бы сегодня, без отчуждения.

Ведь исходным было их лобовое противостояние. Вспомним: императивы Томаса Мора и Джона Локка, в которых либерализм и социализм предстают как абсолютные идеологические антиподы:

- частная собственность (Локка) против общественной собственности (Мора);

- стихия свободного рынка (Локка) против плановой экономики (Мора);
- «минимальное» государство (Локка) против государства «во всём» (Мора);
- «свобода» (Локка) против «равенства» (Мора).

Как оценить эту фазу противостояния двух идеологий?

Не может быть никаких сомнений, что либеральные теории той поры несравненно содержательнее, несравненно реалистичнее и научнее социалистических. Они давали теоретическое обоснование, теоретическое оправдание процессу перехода человечества от феодальных отношений к капиталистическим. Они мощно стимулировали экономический (да и культурный) прогресс общества. Правда, они не уделяли слишком большого внимания тому, как чувствуют себя в условиях капитализма люди из низших социальных слоев, много ли им перепадает из этого бурного экономического прогресса. Ими подчеркивалось (и справедливо!), что даже эти низшие социальные слои получали определенные выгоды от смены феодального строя буржуазным: бесправный, крепостной работник феодального общества становился лично свободным, свободным (хотя и наемным) работником, получал определенные политические права и возможности культурного роста. Что же касается его зависимого экономического (а вследствие этого и политического) положения, то иначе, подразумевалось, просто нельзя. Ликвидировать частную собственность и осуществить «всеобщее равенство» значило бы разрушить все стимулы общественного развития.

А вот их антиподы, социалисты, обращали свое внимание как раз на эти страдающие слои. Они взывали быть равнодушными к судьбе людей из этих слоев. Они не давали обществу успокоиться, они будоражили его. И в этом была их громадная историческая заслуга. Да, экономически и политически их проекты и императивы были неосуществимы, а подчас и просто реакционны, ибо силились прервать восходящий (хотя и противоречивый) исторический процесс. Пытались перепрыгнуть исторически неизбежные этапы развития, подменив социальные законы субъективными мечтаниями. Да и просто произволом (хотя и выглядевшим вроде бы очень гуманистичным). Да, проекты ранних социалистов были утопичными, неосуществимыми. Но – не бессмысленными и не бесплодными. Они развивали – пусть не экономическую, пусть не политическую – но морально-нравственную культуру общества. Будили его совесть. Хорошо сказал однажды Энгельс: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной во всемирно-историческом смысле».

Этой истиной во всемирно-историческом смысле и был ранний социализм – социализм Мора, Кампанеллы, Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Они предсказывали возможность устранения эксплуатации (т. е. снятия отчуждения). Они зажигали – пусть далекие – но маяки, на свет которых могли ориентироваться гуманистически настроенные люди. Они способствовали развитию, наращиванию Человеческого капитала, они создавали нравственное богатство общества, тот нравственный задел, который может сыграть большую роль на более поздних этапах человеческой истории.

Так что развитие идей «очеловечивания», идей гуманизма происходило в рамках обеих идеологий. Хотя и по-разному. Практика либерализма способствовала смягчению отчуждения путем наращивания материальных благ, производительной силы человека. Социалистическая теория стимулировала духовное, нравственное, культурное развитие общества. В общем, обе идеологии освещали и развивали разные стороны гуманистического процесса и гуманистической теории, в рамках которой и будет происходить процесс их сближения.

В XIX в. социалистические идеи все больше утрачивают черты утопизма. Все больше превращаются в реалистическую стратегию социальных преобразований. Ибо капиталистический социум, развивавшийся в контексте либеральных теорий, выходит на рубежи, когда «очеловечивание» (смягчение, а в перспективе – уничтожение эксплуатации) низших сословий и классов становится реальной возможностью (а то и просто необходимостью, с точки зрения успешного социального развития). Что и было зафиксировано марксистским социализмом.

Хотя противостояние либерализма и социализма продолжается, но меняется его формат. Если раньше это было противостояние реалистического либерализма и утопического социализма, то теперь это противостояние двух реалистических концепций (хотя и по-разному реалистических).

А в XX в. происходит новый поворот в их историческом споре. Социальная практика XX столетия начинает рушить основополагающие принципы классической либеральной теории. Выясняется, что «невидимая рука рынка» больше не является удачным регулирующим фактором. «Свободный рынок», рыночная стихия порождает всё более глубокие, всё более масштабные кризисы – вначале экономические, а потом и общесоциальные. Наиболее трагическое проявление этого кризиса – Первая мировая война. Свободная рыночная конкуренция, сопровождавшаяся поначалу демократизацией общественной жизни, породила могучих монополистических

хищников и их жестокую схватку на мировой арене, стоившую человечеству 10 миллионов жизней.

Первая мировая война и всеобщий, глобальный кризис 1920-х годов ясно засвидетельствовали, что оптимизму и реализму классического либерализма (от Локка и Смита до Людвига фон Мизеса) пришел конец. Что громко и безапелляционно зафиксировал один из виднейших теоретиков либерализма Джон Кейнс в своей работе 1925 г. «The End of Laissez-fair», т. е. конец того старого прекрасного либерализма, императивы которого были когда-то сформулированы Локком и Смитом. И развернуто, масштабно – в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) – о «регулируемой» государством и обществом рыночной экономике, которая у Кейнса перестает быть «свободно-рыночной», «стихийно-рыночной», постепенно превращаясь в экономику «планово-рыночную». «Новый либерализм» Кейнса начинает включать в себя целый ряд императивов и ценностей, присущих социалистической идеологии. «...посткейнсианство, – пишет профессор Солтан Дзарасов, – объективно оказывается ближе к марксизму и социализму, чем к либерализму и капитализму», а «вектор этого движения... задал сам Кейнс своим посягательством на неоклассические постулаты. Наиболее убедительное подтверждение верности этого утверждения мы находим в государстве благосостояния (Welfare State). Его идейными вдохновителями были Джон Кейнс, давший ему теоретическое обоснование, и William Beveridge (1879–1963), разработавший прикладные аспекты перехода к такому государству в развитых странах. Оба были либералами, а предложенные ими идеи, по существу, социалистическими и осуществлены в Англии лейбористами, а в континентальной Европе – социал-демократическими партиями»¹.

И – движение навстречу с другого полюса: 1921 год – введение НЭПа.

Ленин: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Что это значит? В чем состоит такая перемена? Это:

- допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной;
- сочетание рыночной стихии и плана;
- ограничение вмешательства государства в экономику;
- поддержка духовного (и политического) плюрализма;
- равенство, не разрушающее свободу.

Возникают, иначе говоря, «конвергентный либерализм» (Кейнса) и «конвергентный социализм» (в духе нэповского социализма Ленина).

Показательно и симптоматично, что эти два выдающихся теоретика «заметили» и «отличили» друг друга – об этом пишет в своей книге лучший в отечественной литературе знаток Кейнса Солтан Дзарасов: «... Ленин был первым из руководителей европейских стран, кто обратил внимание на упомянутую книгу Кейнса². Несмотря на предвзятую оценку автором русской революции, Ленин в ряде выступлений, в том числе с трибуны второго съезда конгресса Коминтерна, где присутствовали левые партии основных стран мира, воздал должное объективности данного там анализа корыстного характера решений держав-победительниц о послевоенном устройстве Европы. “Никто не описал так хорошо Версальского договора, – говорил Ленин с этой трибуны, – как это сделал в своей книжке Кейнс” (Ленин, ПСС, т. 42, с. 67). Позднее Ленин предложил советским издателям отбирать и публиковать на русском языке некоторые книги. «Как образец, – добавил Ленин, – может служить книга Кейнса “Экономические последствия мира” (Ленин, ПСС, т. 51, с. 241)»³.

«Кейнс, – пишет далее Дзарасов, – тоже отвечал Ленину взаимностью. Вступив в переписку с Лениным, он предлагал ему выступить на страницах редактируемой им газеты “Нация” с изложением своих взглядов. К сожалению, по причине наступившей болезни Ленин этого не смог сделать»⁴.

Желающим понять значение учения Кейнса для мировой социальной теории и современной политической практики я рекомендовал бы обратиться к книге Солтана Дзарасова.

А о «конвергентном социализме» и значении в этом плане идей Ленина нет ничего лучшего, чем работы Юрия Буртина. Не будет преувеличением сказать, что в них, в этих работах, Юрием Григорьевичем Буртиным разработан собственный, в высшей степени плодотворный вариант теории конвергенции.

Сам Юрий Григорьевич, добросовестнейший и щепетильнейший, отдавал тут пальму теоретического первенства Андрею Дмитриевичу Сахарову. Об этом свидетельствовал и подзаголовок его программной статьи «Россия и конвергенция» – «Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра». Не смею оспаривать эту точку зрения Юрия Григорьевича, но не могу не сказать, что у Андрея Дмитриевича то были все же лишь некие наброски, соображения, фрагменты. Содержательные, глубокие, важные. Но стройной, целостной, основательно разработанной, связывающей историю и современность концепцией они стали только под пером Ю. Буртина.

Именно Ю. Буртину принадлежит социально-философская идея разделения эпох мировой истории на «доконвергентную»

и «конвергентную», им разработана социально-политическая концепция различения обществ «конвергентного» и «доконвергентного» типа, им введены в научный оборот политологические и социально-политические категории «доконвергентного» и «конвергентного» капитализма (соответственного – «доконвергентного» и «конвергентного» социализма), он дал оригинальную трактовку идеи их (капитализма и социализма) исторического движения навстречу друг другу, их сближения и сопряжения, и в перспективе – формирования нового общественного строя (что-то вроде «капитализма-социализма», или, что то же самое, – «социализма-капитализма»).

Все эти теоретические наработки и обусловили конкретность и глубокую содержательность ответа Ю. Буртина на вопрос «Что делать?» гуманистически и демократически ориентированным людям в условиях современной России. Вот как он шел к этой, все большей, конкретности.

«Номенклатурный капитализм» (так определял Буртин общественный строй, сложившийся в России в конце XX столетия), согласно Буртину, это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т. е. «обнаженно классового общества, с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью “верхов” и “низов”, их взаимной подозрительностью и злобой» – в общем капитализма, каким он был на ранних стадиях своего развития, например в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму – тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма: «В самом деле, – пишет Буртин, – провозгласили диктатуру пролетариата – получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество – оно обернулось безраздельным господством “нового класса”, партийно-советско-ведомственной номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность “общенародной” – она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком – и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нес тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы.

В противовес капиталистической анархии производства строили высокорациональное плановое хозяйство – получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, из которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход к конвергентному обществу. Не столь даже важно – социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них – в тех или иных пропорциях – сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, отмечает Ю. Буртин, больше подходил вариант конвергентного социализма – к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи, бывшие в массе своей социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности осуществилась другая: страна перешла ... даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму доконвергентному. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Но не утопия ли «конвергентное общество»? – вопрошает Буртин. И отвечает: ни в малейшей степени! Целый ряд западных стран демонстрирует такую возможность. Да, и в российской истории, в традициях российской социально-политической мысли подобный вариант развития, как подробнейшим образом выяснил Ю. Буртин, в той или другой степени предусматривался. И в первую очередь, как это ни покажется ошеломляюще странным для идеологов всех фракций современной политической «элиты» (от Зюганова до Немцова с Явлинским), такой вариант развития страны был разработан... Лениным.

Нет нужды пересказывать этот феноменальный по глубине и тонкости буртинский анализ знаменитого поворота Ленина (в начале 20-х годов) от традиционных версий социализма (по терминологии Буртина – «доконвергентного») к принципиально новым («конвергентным»). Все это вы сами прочитаете в статье «Другой социализм». Я не хочу своим пересказом лишать вас удовольствия самим познакомиться с оригиналом. Замечу только: надо было обладать не только исключительным даром теоретического и политического ясновидения, но и поистине буртинской доблестью, чтобы – безупречному и неоспоримому для всех демократу – пойти

против течения и столь высочайшим образом оценить теоретические искания вождя Октября.

Я предсказываю, господа-товарищи: в историю образ Ленина войдет не в красно-коричневой оправе сталинского «Краткого курса» и не фотографией, заплеванной нашими доморощенными либералами. В историю Ленин войдет портретом, написанном кистью Юрия Буртина, портретом со сложной игрой теней и света. Войдет политическим мыслителем и практиком, одна часть идей которого (при определенных исторических условиях) будет подхвачена и в упрощенном до предела виде реализована в чудовищной практике сталинизма. Другая же часть идей (причем, что очень важно отметить, идей, венчающих ленинскую деятельность и составляющих, по сути, его Завещание потомкам) будет теорией решительной и беспощадной борьбы с теорией и практикой «доконвергентного социализма», будет историческим приговором всем сталиным всех времен и народов. Не случайно с особой злобой, с особой жестокостью расправился Сталин с теми, кто попытался поднять и понести дальше знамя новой теории, слишком рано выпавшее из рук творца «нэповского социализма», – с Рыковым, Томским, Рютиным, Бухариным, Красиным...

Ленинская концепция «другого социализма» (наряду с неолиберальными идеями «другого либерализма» и основанной на них практикой ряда стран Запада) должна, по твердому убеждению Ю. Буртина, стать сегодня одним из важных теоретических источников при ответе на вопрос «Что делать?».

За какой из вышеназванных «конвергентных теорий» будущее? Это предмет дискуссий.

Один из возможных вариантов: встреча на теоретической «Эльбе» конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а дружеское соревнование (чередование во власти) демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективнее прямолинейно-одностороннего. И это будет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую я назвал «Реальным Гуманизмом».

Но и Конвергентная социально-политическая система, и тем более общество Реального Гуманизма – это все же весьма отдаленное будущее. А что же сегодня? Это что – реальные, реалистические

стратегии или, как и многие их теоретические предшественники, – симпатичные, но утопические прожекты? Для такого вопроса есть серьезные основания. Ведь возникли эти «конвергентные теории» в 20-х годах прошлого века, почти сто лет назад. Ну и что же они, такие «реалистичные», такие «гуманные», с таким потенциалом «демократизма», не стали до сих пор реальностью? Или все же в какой-то степени реализовались?

Судьба «конвергентных теорий» на Западе и в России

На Западе...

Ну, тут как будто бы немало реализовано из рекомендаций Кейнса и развивавших его идеи учеников-кейнсианцев – в Новом курсе Рузвельта, в странах послевоенной Западной Европы. Вот, на вскидку, небольшая (но весьма показательная) выборка фактов и цифр.

Расширилось участие государства в экономических процессах, серьезно возросла роль государственной собственности в экономике, и планирование-программирование стало весомым и весьма значимым компонентом хозяйственной деятельности. В Швеции, например, в 70-е годы XX века свыше 65% общественного продукта создавалось в государственном секторе. От 30 до 40% составляла доля государства в национальном богатстве страны в Великобритании, Франции, ФРГ, от 10 до 20% – в Японии и США. Именно 70-е годы отмечаются как пиковые в развитии государственной собственности. Повышается удельный вес кооперативной собственности. Особой популярностью пользуется акционерная форма собственности. В США акциями владеет свыше 30% взрослого населения, в Англии – свыше 20%. Во Франции в 80-е годы в государственном секторе занято 10% населения, в нем производилось 12,7% добавленной стоимости. В Англии в национализированных отраслях производилось более 10% ВВП и было занято 10% населения. В Австрии в 80-е годы доля государственного сектора в ВВП составляла 30%, в Финляндии 15%.

Все это, в свою очередь, способствовало более «справедливому» распределению общественного богатства среди граждан (о чем как будто бы ясно свидетельствуют и «децильные коэффициенты», и «индексы Джини» в странах Запада).

Самый низкий децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) – в Скандинав-

ских странах – Дании, Финляндии и Швеции (3–4). В Германии, Австрии и Франции этот коэффициент варьируется от 5 до 7. Экономисты считают оптимальным соотношение от 5 до 7. В 2007 г. глава Института экономики РАН Руслан Гринберг заявил: Как только децильный коэффициент достигает 10 – в стране появляются условия для социальных беспорядков. Как видим, в названных странах далеко до «10», и стало быть серьезных «социальных беспорядков» ожидать не приходится!

Коэффициент Джини используется для иллюстрации распределения доходов внутри государства. В случае полного равенства доходов населения коэффициент равен 0, при абсолютном неравенстве – 1. Значения коэффициента Джини: 0,21 – в Швеции, 0,24 – в Исландии, 0,25 – в Дании, 0,25 – в Норвегии и 0,26 – в Финляндии. В Японии, Великобритании, Германии, Испании, Франции, Португалии коэффициент Джини составляет в среднем около 0,35. Для сравнения: к странам, у которых индекс Джини имеет высокое значение (от 0,45 до 0,6), относятся Россия, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве.

И социал-демократы (вполне «конвергентные» товарищи!) – у власти во многих западноевропейских странах. Английский журнал «Экономист»: «В наши дни (1997–1998 гг.) из-за горизонта европейской политической жизни лишь кое-где выглядывают одинокие консервативные души. По всему Европейскому союзу избирателей привлек к себе магнит новых левых, благодаря чему модернизовавшиеся социалисты и социал-демократы пришли к власти в 11 из 15 стран ЕС, лишив партий правее центра прежней притягательности, силы и влияния».

В общем, дело как будто бы только за Россией: подтянись она к западному, «конвергентному», обществу – и воцарится на мировой арене «всемирная конвергентность» – Мир, Дружба, Гуманизм!

Если бы так!..

Я очень сомневаюсь, что все эти симпатичные «индексы» и «коэффициенты» – исключительно результат политики кейнсианского типа. Хотя и не сомневаюсь, что какое-то влияние эта политика на «коэффициенты» оказала. Но...

Но так ли уж неправ был, например, министр финансов Индии Йашвант Симх, заявивший, что «север гребет под себя не только наши ресурсы, но и наши мозги, нашу интеллектуальную элиту», что США, к примеру, ежегодно «всасывают» для внутренних нужд примерно одну треть мировых запасов полезных ископаемых; при этом население США составляет чуть менее пяти процентов

населения Земли? И не являются ли подводной частью айсберга симпатичных децильных коэффициентов западных стран гораздо менее симпатичные коэффициенты соотношения доходов людей стран «золотого миллиарда» и людей за пределами этого «золотого миллиарда»? Так, к началу XXI века разрыв в среднедушевом ВВП между богатой и бедной частями человечества достиг 15,4 тыс. дол., увеличившись за период с 1960 по 2000 год в три раза. В 1960 году 20% богатого населения имело 70% от всего мирового дохода, к 2000 году эта цифра достигла 90%. Самые бедные 20% населения мира в 1960 году имели 2,3% планетарного экономического дохода, в 2000 году они имеют менее 1,1%. В 1960 году 20% самых богатых людей мира получали доходов в 30 раз больше, чем 20% самых бедных людей, а к 2000-му году это соотношение увеличилось до 60 раз. В 60 раз! А, как вы помните, знающие экономисты нам говорили, что если возникает разрыв в 10 раз, то это преддверие социальной катастрофы. А тут – в 60 раз! Не слишком ли шаткие «социальная стабильность» и экономическое «благополучие» стран богатого Запада? И насколько справедливо такое устройство мира, когда 80% мирового ВВП присваивается 24 странами, в которых проживает 14,5% мирового населения, и лишь 5% – 45 странами с 55% мирового населения. Любуемся коэффициентами Дании: децильный – 3–4, Джини – 0,25 – какое замечательное «равенство» в «датском королевстве»! Но вот нам сообщают: 5% самых бедных датчан богаче, чем 5% самых богатых граждан Мали.

И, наконец, классический децильный коэффициент современного мира: сегодня на долю 10% самых состоятельных жителей планеты, сообщают нам вполне квалифицированные статистики, приходится 42% всего мирового богатства, в то время как 10% беднейших людей владеют менее чем 1%. При этом, добавляют они, далеко не радужные перспективы экономики с трудом позволяют надеяться на существенное изменение ситуации в ближайшее время. Разрыв – 42 раза, без надежды на сокращение!

В общем, не будем заблуждаться: до действительной реализации гуманистических идей Кейнса в западном мире еще очень и очень далеко. Они в принципе не могут быть реализованы в рамках отдельной страны или даже региона развитых стран. Только на мировой арене. Только в масштабе всего мира. Только когда установится страновое относительное равенство на международной арене. Только когда мировой децильный коэффициент будет не более 3–4. И путь к этому коэффициенту долог, труден. И какие только грозные опасности не встретятся на этом пути!

Теории конвергенции в СССР–России...

1. Сталинизм: отход от ленинских идей нэпа. Альтернатива: «конвергентный социализм» или «доконвергентный» казарменный коммунизм? Бухарин или Сталин?

2. Возрождение (в теории) ленинско-нэповских идей в брежневский период: Татьяна Заславская, Андрей Сахаров, Юрий Буртин, Геннадий Лисичкин, Отто Лацис, Александр Волков...

3. Сегодня: Солтан Дзарасов, Георгий Цаголов...

Особенно важен пункт первый. Разбором его в этой статье мы главным образом и ограничимся. Почему на рубеже 20–30-х годов победила не демократически-гуманистическая альтернатива (развивавшаяся Н.И. Бухариным на основе ленинских идей нэпа), а политическая линия, связанная с абсолютизацией насилия и принуждения; линия, провозглашающая некое «усиление социально-классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму» (что, в частности, служило обоснованием разрастающегося вала репрессий 30–50-х годов)? Почему, наконец, сложилась не система народной демократии и гуманизма (прокламировавшаяся Бухариным), а диктатура бюрократии, да еще в самой жесткой, жестокой, террористической форме? И последнее: реальна ли, оправдана ли в современных условиях борьба за осуществление идей «демократического, правового социализма» и «реального гуманизма» (разработка которых была начата Лениным в эпоху нэпа и продолжена Бухариным после смерти вождя большевиков)?

О необходимости коренной перемены взгляда на социализм

Зрелый Бухарин начинает с того, чем закончил Ленин. Он настойчиво сосредотачивает наше внимание на «необыкновенно смелой, яркой, отчетливой и необычайно энергичной», высказанной «со всей суровой и страстной политической энергией» формулировке Лениным главного вывода из практической и теоретической деятельности большевиков: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»⁵.

Этот тезис Ленина был ошарашивающим и парадоксальным. Как это «переменить»? И причем не какое-то отдельное положение, а «всю» (!) точку зрения на социализм. Мало кто тогда понял и кто воспринял эту ленинскую мысль. Что это значит? Пересматривать «всю» Марксову теорию, под знаменем которой боролись многие

годы? Отодвинуть в сторону «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «Критику Готской программы»? А вместе с ними – и ленинские «Что делать?», «Государство и революцию», всю стратегию революционной борьбы, завершившуюся победным Октябрем 17-го года? И что вместо?

Сам Ленин едва-едва начал этот «коренной пересмотр», успел наметить только общее направление размышлений на сей счет, высказать несколько первоначальных, конкретных (хотя и чрезвычайно ценных) рекомендаций к логике такого «пересмотра». Но после его смерти все эти заветы и рекомендации зависли в воздухе...

Единственным марксистским теоретиком, единственным из всех лидеров партии, кто подхватил эти ленинские идеи, кто всерьез приступил к реализации ленинского завета о «коренном пересмотре» взгляда на социализм был Николай Иванович Бухарин. В статьях 1925–1929 годов (главные среди которых – «Путь к социализму...», «Политическое завещание Ленина» и «Записки экономиста») и была развернута бухаринская версия нового взгляда на социализм. В ней он итожит идеи последних работ Ленина, видя в них «последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово», «самую продуманную директиву»⁶, данную Ильичом своим соратникам и ученикам.

И начинает Бухарин эту свою работу с осмысления идей ленинской статьи «О нашей революции», которую он называет «одним из самых оригинальных и самых смелых творений». В чем же он видит ее «оригинальность» и «смелость»?

Нет, в ней не «отодвигаются» в сторону ни «Манифест», ни «Капитал». Они остаются для Ленина (и Бухарина) общетеоретическим, общеметодологическим и общефилософским фундаментом социально-преобразовательной стратегии. Но в разработанную в этих трудах революционную стратегию, в описанные в них пути движения к новому («социалистическому», «коммунистическому») обществу должны быть внесены весьма существенные коррективы. Во-первых, нужно ясное осознание того, что главные положения революционной теории Маркса ограничены (как, кстати, об этом писал в конце своей жизни сам Маркс в письме Вере Засулич) западноевропейским пространством. И потому нельзя просто «прилагать» их общие принципы к ситуациям другого социально-исторического типа, и к российской ситуации в том числе. К примеру, отец русского марксизма Плеханов полагал (а вслед за ним и основная масса социал-демократов России), что главная задача русских социалистов – подставить конкретные «арифметические» значения в исходную, общую, «алгебраическую» формулу марксизма.

Ленин (и вслед за ним Бухарин) совсем не против этих исходных, всеобщих марксистских формул. Как и Маркс, они убеждены, что возникновение нового («социалистического») общества возможно только на высокоразвитой экономической базе и при высокой степени культурности трудящихся классов. Но (и в этом суть их добавления к идеям Маркса) это движение к высокоразвитости и культурности не обязательно должно происходить в рамках капиталистической формации. «Педанты» от марксизма, абсолютизируя Марксову формулу, пишет Бухарин, «не понимают того основного, если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть особые исключения, определяемые своеобразием внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно сочетанием крестьянской войны с пролетарской революцией. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригинальная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы сначала завоевываем себе “рабоче-крестьянскую власть”, а потом уж должны “на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы”»⁷. И это не просто какое-то малозначительное изменение последовательности преобразований: политические изменения идут не вслед за экономическими и культурными (как это традиционно полагалось для западноевропейских стран), а экономика и культура идут вслед за политикой. Изменение следования ведет к новому пониманию формационных ступеней, по которым может двигаться общество к новой («социалистической») формации. Эти, порождаемые практикой и не предусмотренные прежней теорией «следования», формационные образования поначалу пытались представить некими «переходными формами». Но по мере исторического развития все больше выяснялось, что эти «временные», «переходные» формы имеют тенденцию задерживаться в истории надолго, обретая стабильные, устойчивые черты,

совокупность которых может быть охарактеризована как особое, специфическое формационное образование.

По-видимому, действительное, объективное содержание исторической альтернативы в конце 1920-х годов сводилось к выбору между «народной, демократической, рабоче-крестьянской, гуманистической формацией» и «государственно-бюрократической формацией». В этом был и объективный смысл двух противоборствующих тогда стратегий. Победила, как известно, бюрократия. «Проигравшими» оказались трудящиеся страны. Демократический, гуманистический путь развития, который отстаивал Бухарин, был на долгие годы перекрыт.

Но противостояние двух социальных «материков», двух линий – авторитарно-насильственной и демократическо-гуманистической – продолжалось. Импульсы, порожденные ленинским руководством в Октябре и в послеоктябрьский период, не исчезли. Подспудно, «подземно», в узких кругах единомышленников, в статьях, написанных эзоповым языком, они продолжали жить и, в меру возможностей, развиваться. Сталинцы, используя тотальную систему слежки и доноительства, находили, отправляли в ГУЛАГ, а то и расстреливали выразителей этих идей. Но можно расстрелять людей, но идеи расстрелять невозможно. С каждым новым кризисом государственно-бюрократической, казарменно-коммунистической системы, с каждой политической «оттепелью» в стране они, словно из-под земли, вновь выходят на поверхность, быстро расширяя свое влияние. Так было после XX съезда, так было в годы перестройки. Но снова и снова силы бюрократии (позднее, в 90-х годах, объединившиеся с силами олигархического капитала) оттесняли эти идеи и их носителей на обочину политической жизни.

Но, предсказываем мы, будет еще новая «оттепель» – и тогда идеи гуманистического общества, общества социального равенства, свободы, справедливости и нелицемерной демократии (у истоков которых стояли Ленин нэповского периода и его ученик Бухарин и которые затем продолжали защищать и развивать российские ученые Татьяна Заславская, Андрей Сахаров, Юрий Буртин, Геннадий Лисичкин, Отто Лацис, Александр Волков, Солтан Дзарасов, Георгий Цаголов) будут вновь востребованы. И не исключено, что на этот раз, в условиях, которых не было в прошлом, – высокоразвитых производительных сил, высокой культуры российских граждан и возросшего влияния гражданского общества, социально-политическая система «реального гуманизма» станет, наконец, реальностью.

- ¹ *Дзарасов С.* Куда Кейнс зовет Россию? // Дзарасов С. Указ. соч. М., 2012. С. 23.
- ² Речь идет о книге «Экономические последствия Версальского договора», в которой, как отмечает Дзарасов, Кейнс «встал на позиции решительного осуждения насильственных способов решения проблем как несправедливых и недальновидных».
- ³ *Дзарасов С.* Указ. соч. С. 26–27.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ См.: *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 422.
- ⁶ Там же. С. 419.
- ⁷ Там же. С. 421–422.